

Незабываемое

1945-1956 гг.

УДК 93
ББК 63.3
Н44

Н44 Незабываемое: 1945-1956 гг. / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 192 с.

ISBN 978-5-458-41692-4

Воспоминания Н. Н. Краснова-младшего. Материалы по трагедии казачества накануне, во время и по окончании Второй мировой войны.

ISBN 978-5-458-41692-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

земле, грамотность казаков неизбежно делали их врагом большевиков.

В России до 17-го года довольно компактно жило более 6 млн. казаков. Идеологи "мировой революции" объявили их "опорой самодержавия", "контрреволюционным сословием". Один из таких "теоретиков", И. Рейнгольд, писал Ленину: "Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и заигрывание с казачеством: ни на минуту нельзя забывать, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица - вооруженный лагерь, каждый хутор - крепость".

Первые карательные акции были организованы большевиками сразу после октябрьского переворота - силами "интернационалистов" (особенно латышей, мадьяр, китайцев), "революционных матросов", горцев Кавказа, иногороднего (т.е. неказачьего) населения казачьих областей. А уж затем это насилие вызвало участие казаков (до того пытавшихся соблюдать подобие нейтралитета в общероссийской сваре) в Белом движении.

Террор достиг первого пика еще в ходе Гражданской войны - оформившись известной директивой Оргбюро ЦК ВКП (б) 24 января 1919г. (Оргбюро было создано для решения оперативных вопросов на заседании ЦК ВКП (б) 16.01.1918 г. в составе Я.Свердлов, Н.Крестинский, М.Владимирский). Речь шла о репрессиях против всего казачества! Этот подписанный Свердловым документ настолько важен в "юридическом" оформлении политики советской власти в отношении казачества, что стоит привести здесь его полный текст:

"Циркулярно, секретно.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах - наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск - заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.
2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.
3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлому бедноте, организуя переселение, где это возможно.
4. Уравнивать пришлых "иногородних" к казакам в земельном, и во всех других отношениях.
5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.
6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.
7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.
8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактически меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП (б) "

Помимо массовых расстрелов, были организованы продотряды, отнимавшие продукты; станицы переименовывались в сёла, само название "казак" оказалось под запретом...

Директива Свердлова дополнялась и развивалась разного рода постановлениями. Так, "Проект административно-территориального раздела Уральской области" от 4 марта 1919г. предписывал "поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и как подобного ему красного террора... С казачеством, как с обособленной группой населения, нужно покончить".

3 февраля 1919г. появился секретный приказ председателя РВС Республики Троцкого, 5 февраля - приказ № 171 РВС Южного фронта "О расказачивании". Тогда же директива Донбюро ВКП (б) прямо предписывала:

- а) физическое истребление по крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, т.е. от 18 до 50 лет;
- б) физическое уничтожение так называемых "верхов" станицы (атаманов, судей, учителей, священников), хотя бы и не принимающих участия в контрреволюционных действиях;
- в) выселение значительной части казачьих семей за пределы Донской области;
- г) переселение крестьян из малоземельных северных губерний на место ликвидированных станиц...

Мало того - Донбюро и Реввоенсовет требуют неукоснительного исполнения на местах своих директив, спуская по инстанциям документы подобного типа: "Ни от одного из комиссаров дивизии не было получено сведений о количестве расстрелянных... В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысли о возможности такового. Эти меры: полное уничтожение всех, поднявших оружие, расстрел на месте всех, имеющих оружие, и даже процентное уничтожение мужского населения". Подписал сей документ, между прочим, будущий страдалец И.Якир (тогда член РВС 8-й армии).

Как писал в приказе-воззвании в августе 1919 г. Ф.Миронов (сам своим сотрудничеством с большевиками увлекший на предательство и гибель тысячи казаков) - "Население стонало от насилий и надругательств. Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса... Восстания в казачьих областях вызывались искусственно, чтобы под этим видом истребить казачество". Сам председатель Донбюро С.Сырцов, говоря о "расправе с казачеством", его "ликвидации", отмечал - "станицы обезлюдели". В некоторых было уничтожено до 80 % жителей. Только на Дону погибло от 800 тысяч до миллиона человек - около 35 % населения.

После оккупации красными юга России репрессии прокатились по областям Кубанского и Терского войск. При выселении терских станиц Калиновской, Ермоловской, Самашкинской, Романовской, Михайловской, Асиновской красные горцы убили 35 тысяч стариков, женщин и детей (и вселились в опустевшие станицы). За один лишь прием были вывезены на север и расстреляны 6 тысяч кубанских офицеров.

К концу 1920 году остатки Кубанской армии - преимущественно рядовые казаки, - сложив оружие, расходились по домам. Казалось бы, реальный шанс для большевиков добиться замирения. Однако советская 9-я армия лишь усиливала репрессии. В одном из ее отчетов учтены карательные акции за время с 1 по 20 сентября: "Ст. Кабардинская - обстреляна арт-огнем, сожжено 8 домов... Хутор Кубанский — обстрелян арт-огнем... Ст. Гурийская - обстрелян арт-огнем, взяты заложники... Хут. Чичибабахут. Армянский — сожжены дотла... Ст. Бжедуховская — сожжены 60 домов... Ст. Чамлыкская - расстреляно 23 человека... Ст. Лабинская - 42 чел... Ст. Псебайская - 48 чел... Ст. Ханская — расстреляно 100 человек, конфисковано имущество и семьи бандитов отправляются в глубь России... Кроме того, расстреляно полками при занятии станиц, которым учета не велось... " И вывод штаба армии: "Желательно проведение в жизнь самых крутых репрессий и поголовного террора!.."Ниже - зловещая приписка от руки: "Исполнено".

При т.н. "конфискациях" у казаков порой выгребались все имевшиеся вещи, вплоть до женского нижнего белья!..

Одновременно развернута была кампания обоснования террора в большевицкой печати. Например, в феврале 1919 г. газета "Известия Наркомвоена" (выходившая фактически под прямой редакцией Троцкого) писала: "У казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачества есть заслуги лишь перед темными силами русизма... По своей боевой подготовке казачество не отличалось способностями к полезным боевым действиям. Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира... "

Мало того, получается по мнению командования РККА, что казаки - "царские сатрапы", так они еще что-то навряд вредных насекомых! Ну, а раз так - к ногтю их! "Российский пролетариат не имеет никакого права применить к Дону великодушие... На всех их революционное пламя должно навести страх, ужас, и они, как евангельские свиньи, должны быть сброшены в Черное море!"

Вспоминая события тех лет, даже убежденный коммунист М.Шолохов пишет (письмо Горькому 6 июня 1931 г.): "Я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию; причем сознательно упустил такие факты... как бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры - 400 с лишним человек... "

Активное истребление шло до 1924 года, после чего наступило некоторое затишье. Конечно, аресты продолжались, приутихла лишь волна бессудных расправ. Советская власть, изображая "гражданский мир", добивалась возвращения эмигрантов (дабы окончательно ликвидировать угрозу с их стороны). Первое время "возвращенцев" не трогали...

К 1926 году на Дону оставалось не более 45 % прежнего казачьего населения, в других войсках - до 25 %, а в Уральском войске - лишь 10 % (оно чуть ли не целиком снялось с места, пытаясь уйти от безбожной власти). Было уничтожено и выброшено из страны много казаков старше 50 лет - хранителей традиций.

* * *

"Заигрывание" с казаками завершилось с окончанием НЭПа. Постепенно исчезали рискнувшие вернуться из эмиграции, остатки прежней интеллигенции и офицерства - все, кто, по мнению властей, еще мог возглавить сопротивление.

Весной 1928 г. советские газеты сообщили о раскрытии органами ОГПУ заговора "спецов" в Шахтинском районе Донбасса. Знаменитое "Шахтинское дело" открыло череду сталинских политических процессов. И нелишне тут будет указать на обстоятельство, обычно остающееся вне внимания исследователями. Город Шахты (до 1920 г. Александровск-Грушевский) - один из центров угольной промышленности на территории Области Войска Донского. На его шахтах рабочими и специалистами нижнего и среднего звена трудились многие казаки, вынужденные оставить родные станицы. И вряд ли выбор места показательного процесса против "вредителей" был случаен! Вслед за репрессиями против инженеров началась зачистка шахт и предприятий от "неблагонадежного" казачьего элемента. Казаков увольняли, лишали продовольственных карточек (что обрекало семьи многих на голодную смерть), арестовывали, выслали. Поднималась самая страшная волна расказачивания, окончательно

накрывшая казачьи области Юга России!..

В январе 1930 г. вышло постановление "О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края". Казаков выгоняли из куреней зимой, без продуктов и одежды, обрекая на гибель по дороге в места ссылки. Власть готовилась к восстанию в казачьих областях. Более того, явно провоцировала его - массовое выступление позволило бы вновь открыто истреблять казачество. Но восставать, в общем-то, было уже некому - ни оружия, ни вождей. Хотя были, конечно, и примеры сопротивления, в том числе и вооруженного (например, массовые волнения в феврале 1930 г. в селах и станицах Барашковское, Весело-Вознесенское, Константиновская, Новый Егорлык, Ново-Маньчское), а для подавления их на Кубани использовалась даже авиация; небольшие же группы казаков продолжали борьбу вплоть до прихода немцев в 1942 г. Однако в целом по Северо-Кавказскому краю (97 районов Дона, Кубани и Ставрополья) коллективизация завершилась без особых эксцессов. "Кулаки" и прочий "антисоветский элемент" арестованы и высланы (согласно сводке штаба СКВО, к 1 марта 1930 г. по Северному Кавказу было "изъято" 26261 чел., в большинстве своем казаков). Казалось бы, могло наступить очередное "затишье".

Однако объявленный в конце 30-го года "новый подъем колхозного движения" закончился повсеместными выходами из колхозов (с января по июль 1932 г. их число в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс.), требованиями возврата имущества. Чрезвычайные меры в заготовительной политике, бескормица, ухудшение ухода привели к значительному падежу скота; уборка зерна в 1931 г. по всему югу России затянулась до весны 32-го, а на Кубани наблюдался невиданно низкий урожай зерновых - от 1 до 3 ц.!

7 августа 1932 г. был издан т.н. "закон о пяти колосках". За любую кражу госсобственности - расстрел или, в лучшем случае, 10 лет с конфискацией имущества. За несколько колосков, сорванных, чтобы накормить пухнувших от голода детей, отправляли в тюрьмы их матерей...

Направляемые в станицы уполномоченные, не имевшие представления о сельском хозяйстве, лишь усугубляли положение. В каждом встречном им виделся "контрреволюционный элемент". Однако, повторюсь, ничего случайного власть не предпринимала. Все было заранее продумано.

Осенью 32-го на Кубань прибыл "испытанный боец в борьбе за хлеб на юге России" корреспондент "Правды" Ставский, сразу определивший настроение казаков, как явно "контрреволюционное": "Белогвардейская Вандея ответила на создание колхозов новыми методами контрреволюционной деятельности - террором... В сотне кубанских станиц были факты избиения и убийств наших беспартийных активистов... Наступил новый этап тактики врага, борьба против колхозов не только извне, как это было раньше, но и борьба изнутри".

В Новотатаровской Ставский обнаружил 80 казаков, вернувшихся из ссылки, и тут же донес: "Местные власти не принимают никаких мер против этих белогвардейцев... Саботаж (вот и прозвучало страшное слово, ставшее на десятилетия чуть ли не нарицательным для наименования этого периода времени! - Г.К.), организованный кулацкими элементами Кубани... Классовый враг действует решительно и порой не без успеха... "И - решительный вывод: "Стрелять надо контрреволюционеров-вредителей! "

* * *

Осенью 1932 - весной 1933 г. невиданный голод охватил Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, Западную Сибирь, юг Центрально-Черноземной области и Урала - территорию с населением около 50 млн.чел.

Систему "черных досок" (названных так по советской традиции - в отличие от "красных досок "почета) ввел член ЦК ВКП(б), секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)

Б.П. Шеболдаев. На "доску позора" заносились станицы, по мнению партии, не справившиеся с планом хлебосдачи.

3 ноября 1932 г. было издано постановление, обязывавшее единоличные хозяйства под страхом немедленной ответственности по ст. 61 УК (смертная казнь) работать со своим инвентарем и лошадьми на уборке колхозных полей. "В случае "саботажа", - разъясняла краевая партийная газета "Молот", - скот и перевозочные средства у них отбираются колхозами, а они привлекаются к ответственности в судебном и административном порядке".

Принудительные меры встречали пассивное сопротивление - людей вынуждали укрывать зерно для пропитания в т.н. "черных ямах". Местный актив кивал на "вредителей" (хотя совсем недавно юг России накрыли три волны раскулачивания и выселений). 4 ноября вышло новое постановление. По Северо-Кавказскому краю самыми "отстающими" признали районы Кубани: "Кубань организовала саботаж кулацкими контрреволюционными силами не только хлебозаготовок, но и сева ". Крайком партии совместно с представителями ЦК (комиссия во главе с Л.М.Кагановичем - А.И.Микоян, М.Ф.Шкирятов, Г.Г.Ягода и др.) постановил:

"За полный срыв планов по севу и хлебозаготовкам занести на черную доску станицы Новорождественскую, Медведовскую и Темиргеевскую. Немедленно прекратить в них подвоз товаров, прекратить всякую торговлю, прекратить все ассигнования и взыскать досрочно все долги. Кроме того, предупредить жителей станиц, что они будут в случае продолжения "саботажа" - выселены из пределов края и на их место будут присланы жители других краев ".

В "позорно проваливших хлебозаготовки" районах (Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий, Кущевский, Павловский, Кропоткинский, Новоалександровский и Лабинский) была прекращена всякая торговля. Из Ейского, Краснодарского, Курганинского, Кореновского, Отрадненского, Каневского, Тихорецкого, Армавирского, Тимашевского, Новопокровского районов также приказано было вывезти все товары, закрыв лавки.

На совещании партактива края комиссия ЦК потребовала любой ценой завершить хлебозаготовки к декабрю. По всему краю начались повальные обыски для "отобрания запасов хлеба у населения". Были созданы комсоды - комитеты содействия из наиболее оголтелых активистов. "Молот" сообщал: "Ежедневно активы коммунистов открывают во дворах спрятанный хлеб. Хлеб прячут в ямы, в стены, в печи, в гробы на кладбищах, в... самовары ". Газета требовала: "Эх, тряхнуть бы станицу... целые кварталы, целые улицы... тряхнуть бы так, чтобы не приходили по ночам бежавшие из ссылки враги!.. "

Окруженные войсками и активистами, станицы и хутора превращались в резервации с единственным выходом на кладбище, в ямы скотомогильников, глиняные карьеры. Вспоминает И.Д. Варивода, в то время секретарь комсомольской организации станицы Новодеревянковской: "Созвали комсомольцев и пошли искать по дворам хлеб. А какой саботаж? План хлебозаготовок был выполнен, все сдали! За день нашли в скирде один мешок пшеницы. Нашли! Вот это и было надо. С этого и началось. Станица была объявлена вне закона, сельсовет распущен, всем руководил комендант. Окружили кавалерией - ни зайти, ни выйти, а в самой станице на углах пехотинцы: кто выходил после 9 часов вечера - тех стреляли без разговору.

Закрыли все магазины, из них все вывезли, до последнего гвоздя. Для политотдела был особый магазин, там они получали сахар, вино, крупы, колбасу. Три раза на день их кормили в столовой с белым хлебом. А таких, как я, активистов, тоже три раза на день кормили, хлеб давали, 500 г. - не белый, а пополам с макухой... Люди приходили к столовой, тут же падали, умирали... "

В.Ф.Задорожный из Незамаевской рассказал: "В конце 32-го года в станицу вошло латышское военное подразделение и отряды местных активистов. Станицу оцепили,

никого не впускали и не выпускали. Особенно старались местные комсоды, среди которых выделялся Степан Бутник — он, обходя подворья, забирал не только съестное, но и имущество. У Задорожных ему приглянулась усадьба со всем хозяйством — он выгнал хозяев и поселился там!..

О свирепости комсодовцев рассказала и Т.И. Клименко. Под благовидным предлогом они сначала сами советовали укрывать зерно, затем, выследив, заявляли и указывали, где что припрятано. Прямо на подводах они развязывали узлы с барахлом и делили награбленное между собой... У кого сохранились коровы, всех заставляли вывозить покойников в 12 траншей, что вырыли на окраине станицы. В ямы сбрасывали и еще живых, поэтому там слышался постоянный стон, а наполненные ямы как бы пошевеливались от потуг пробующих выбраться. Были и случаи людоедства! По словам Таисии Ивановны, у ее напарницы по бригаде Василисы Бирюк девчата Мирошника поймали младшего братишку, убили и в горшках засолили мелкими кусочками. Станичники старались не выпускать детвору за ограды дворов. Убийц-людоедов называли "резунами"...

Сотни семей были отправлены в Сибирь и на Урал. Станица буквально опустела! Из 16 тысяч прежнего населения осталось около трех с половиной тысяч. И сейчас в Незамаевской живет всего 3266 человек... "

И снова вспоминает И. Варивода: "Голые, как попало набросанные на гарбы - кто висел через драбины головой, у кого руки висели до земли, кто одну или обе ноги задрал вверх - ооченелые, "враги народа " совершали последний путь на цэгэлю, на Бакай. Там был раньше кирпичный завод и глину брали из карьера. Бросали всех в братскую могилу, от младенцев до бородачей. Бросали и живых еще, но таких, что уже все равно дойдут, умрут..."

Ночью Зайцев, комендант, вызывал к себе председателей колхозов... Я под окно, подслушиваю... Вызовет председателей колхозов и спрашивает: - У тебя сегодня сколько сдохло? - 70 человек. - Мало! А у тебя? - 50 человек. - Мало!!.. "

Писатель В.Левченко привел фрагменты переписки кубанцев с родственниками в эмиграции. Пишет в Югославию мать казака: "... На самый Новый год пришли к нам активы и взяли последние три пуда кукурузы. А потом позвали меня в квартал и говорят: "Не хватает 4 килограмма, пополни сейчас лее!" И я отдала им последнюю фасоль. Но этим не закончилось. Они наложили на меня еще 20рублей штрафа и суют мне облигации, которых я уже имею и так на 80рублей. На мое заявление, что мне не на что их взять, мне грубо ответили: "Не разговаривай, бабка! Ты должна все платить, так как у тебя сын за границей ". Так что, милый сынок, придется умереть голодной смертью, так как уже много таких случаев. Харчи наши последние - одна кислая капуста, да и той уже нет. А о хлебе уже давно забыли, его едят только те, кто близок Советской власти, а нас каждого дня идут и грабят. В станице у нас нет мужчин, как старых, так и молодых - часть отправлена на север, часть побили, а часть бежала кто куда..."

Приписка от дочери: "Дорогой папа! Я хожу в школу-семилетку, в пятый класс. Была бы уже в шестом, но меня оставили за то, что я не хожу в школу по праздникам. Но я за этим не беспокоюсь, так как школы хорошего ничего не дают, только агитация и богохульство. Всем ученикам выдали ботинки, а мне ничего не дали и говорят: "Ты не достойна советского дара, у тебя отец за границей ". Но я тебя по-прежнему люблю и целую крепко. Твоя дочь Маша "

Детей ждала участь родителей. Вспоминает П.П.Литовка, живший в хуторе Албаши (ст. Новодеревянковская): "Весной 1933 года одни подростки-дети в поле трудились от зари до зари под неусыпным глазом бригадира... От голода и непосильного труда мы падали на пахотные глыбы и умирали на работе, возле дома, все меньше оставалось

нас. У многих и родных уже нет в живых... "

В некоторых станицах - например, Ольгинской - ГПУ арестовывало детей наравне со взрослыми.

А в то самое время, когда Кубань буквально вымирала, когда, как пишет советский историк Н.Я.Эйдельман, "по всей Кубани опухших от голода людей сгоняли в многотысячные эшелоны для отправки в северные лагеря, во многих пунктах той же Кубани на государственных элеваторах в буквальном смысле слова гнили сотни тысяч пудов хлеба... "

В декабре "Молот" пишет: "Мы очищаем Кубань от остатков кулачества, саботажников и тунеядцев... Остатки гибнущего класса озверело сопротивляются. Нам на Северном Кавказе приходится считаться с тем фактом, что недостаточна классовая бдительность, что предательство и измена в части сельских коммунистов позволили остаткам казачества, контрреволюционной атаманине и белогвардейщине нанести заметный удар по организации труда, по производительности в колхозах. Мы ведем на Кубани борьбу, очищая ее от паразитов, нанося сокрушительные удары "партийным и беспартийным".

По мнению "Комсомольской правды", многие первичные колхозные организации, а нередко и районные, превратились на Кубани в "полностью кулацкие", секретари райкомов и председатели райисполкомов стали "саботажниками и перерожденцами". Их арестовывали и расстреливали; по краю было исключено из партии 26 тыс.чел. - 45 % коммунистов...

Еще письмо - брата брату: "Смертность такая в каждом городе, что хоронят не только без гробов (досок нет), а просто вырыта огромная яма, куда свозят опухших от голодной смерти и зарывают... в станицах трупы лежат в хатах, пока смердящий воздух не привлечет, наконец, чьего-либо внимания. Хлеба нет; в тех станицах, в которых есть рыба, люди сушат рыбные кости, мелют их, потом соединяют с водой, делают лепешки, и это заменяет как бы хлеб. Ни кошек, ни собак давно нет - все это съедено. **Стали пропадать дети, их заманивают под тем или иным предлогом; их режут, делают из них холодные котлеты и продают, а топленый жир с них голодные покупают. Открыли несколько таких организаций. В колодце нашли кости с человеческими пальцами. В бывших склепах найдено засоленное человеческое мясо. На окраине нашли более 200 человеческих голов с золотыми зубами, где снимали с них коронки для торгсина. В школе детям объявили, чтобы сами не ходили, а в сопровождении родителей. Исчезают взрослые, более или менее полные люди...**

В колхозах никто не хочет работать, все разбегаются, вот второй уже год поля остались неубранными, масса мышей и крыс, появилась чума в Ставропольской губернии. У нас тиф сыпной, сживем без всяких лекарств... "

Пытавшихся вырваться с охваченных голодом областей водворяли обратно. 22 января 1933 г. Сталин и Молотов предписали ОГПУ Украины и Северного Кавказа не допускать выезда крестьян - после того, как "будут отобраны контрреволюционные элементы, выдворять остальных на места их жительства". На начало марта было возвращено 219460 чел. Отмечались случаи немедленной расправы с людьми на местах, у железнодорожных станций...

* * *

С ноября 1932 по январь 1933 г. Северо-Кавказский крайком ВКП (б) занес на "черные доски" 15 станиц - 2 донские (Мешковская, Боковская) и 13 кубанских: Новорождественская, Темиргоевская, Медведовская, Полтавская, Незамаевская, Уманская, Ладожская, Урупская, Стародеревянковская, Новодеревянковская, Старокорсунская, Старощербиновская и Платнировская.

По краю только за 2,5 месяца с ноября 1932 г. брошено в тюрьмы 100 тыс.чел., выселено на Урал, в Сибирь и Северный край 38404 семей. Из станиц Полтавской, Медведовской и Урупской выселены все жители - 45.639 чел. Уманская, Урупская и Полтавская были переименованы - в Ленинградскую, Советскую и Красноармейскую (в октябре 1994 г. глава администрации края Е.Харитонов возвратил Полтавской ее имя). На место выселяемых, убитых и умерших от голода селили порой тех самых, кто их уничтожал. Так, Полтавская - Красноармейская заселена семьями красноармейцев, Новорождественская - сотрудников НКВД.

Согласно справке ОГПУ 23.02.1933 г., самый сильный голод охватил 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских и 12 из 18 ставропольских районов (47 из 75 зерновых). Особо неблагоприятны 11 кубанских районов (Армавирский, Ейский, Каневский, Краснодарский, Курганенский, Кореновский, Ново-Александровский, Ново-Покровский, Павловский, Старо-Минский, Тимашевский), Шовгеновский р-н Адыгейской АО и Курсавский Ставрополя.

Даже к сегодняшнему дню население репрессированных станиц не может восстановить хотя бы до половины своего прежнего уровня ...

Всего, по подсчетам российских и зарубежных ученых, от голодомора 1932-33 гг. погибло не менее 7 млн. человек (некоторые считают, что число погибших было гораздо больше - более 10 млн.). Власти пытались уничтожить и память о них. Места братских захоронений не обозначались, книги записей рождений и смертей уничтожались, а пытавшихся вести учет жертв расстреливали как врагов народа.

Карательные акции затронули не только станицы, занесенные на "черные доски". Одна только экспедиция особого назначения (латыши, мадьяры и китайцы - все кавалеры ордена Красного Знамени) в Тихорецкой за три дня расстреляла около 600 пожилых казаков. "Интернационалисты" выводили из тюрьмы, раздев догола, по 200 человек, и расстреливали из пулеметов...

Приехавший с Кубани словенец доктор Р. Трушнович рассказывал в Югославии про коллективизацию и голодомор:

"...Зажиточных казаков... отправляли в Архангельскую губернию. Из первого транспорта никто живым не остался, все были перебиты холодным оружием. Для проведения коллективизации было прислано 25 000 рабочих от станков (двадцатипяти тысячники)... Объявлено: "Всю тягловую силу, орудия производства и землю сдать в стансоветы. Все необходимое для жизни будете получать пайками"... Отобранный инвентарь пропал без надзора; лошади под присмотром назначенных конюхов (не хозяев) падали..."

Наместо сосланных присылали красных партизан из Ставропольской губернии и центральной России. Жизнь окончательно ухудшилась; паек начали выдавать не подушно, а на рабочего, в результате даже дети принуждены были работать. Но голод все увеличивался. Умирили сотнями. Даже красные партизаны в течение месяца питались только сусликами... Большевики ни перед чем не останавливаются, вздумалось разводить хлопок - выкорчевали возле станицы Стеблиевской виноградники и, несмотря на предостережения казаков, все-таки посеяли хлопок, а потом косили, как траву... Казаков на Кубани осталось мало... Они одеты хуже всех, отчасти желая замаскировать себя и больше походить на пролетариев... "

Удивительно ли, что именно из офицеров РККА, служивших в 1929-34 годах на Дону и Кубани и ставших свидетелями массового террора, многие позже вступили в казачьи формирования Вермахта и части РОА (назовем хотя бы будущего генерала и командира 5-го Донского полка И.Н.Кононова)?..

Не миновали казаков и волны арестов 1936-38 гг. (те, что накрыли многих большевиков, в том числе и изобретателей "черных досок"). В итоге к концу 30-х было физически истреблено около 70 % казаков. А сколько рассеяно по СССР и за рубежом,

лишено памяти, родственных связей?..

Г. Кокунько, редактор газеты "Станица" (Москва)

"Казачи в Вермахте"

К началу 2-й мировой войны основными центрами казачьей эмиграции были славянские государства - Болгарии, Югославии и Чехословакии. Несмотря на численное сокращение за 20 лет (за счет естественной убыли, перемещения в другие страны, главным образом во Францию и США, возвращения части казаков на родину), казаки оставались одной из самых крупных и политически активных групп Русского Зарубежья, сохраняя свой особый мир, войсковую организацию и традиции. Многие из них и в вынужденном изгнании продолжали считать себя единственными наследниками казачьих традиций - того мира, который фактически уничтожен находился на грани уничтожения в Советской России. Многие верили, что возрождение казачества может исходить только от них.

Большая часть казаков группировалась вокруг своих официальных лидеров - атаманов Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск за границей - генералов М.Н. Граббе, В.Г. Науменко, Г.А. Вдовенко и Н.В.Ляхова - связывая свое будущее с освобожденной от власти большевиков России. Значительно меньшая, но политически более активная часть казаков под влиянием групп ярко выраженной сепаратистской ориентации придерживалась идеи создания независимого казачьего государства. Своими союзниками самостийники считали украинцев и кавказских горцев, поскольку Украину и Северный Кавказ предполагалось целиком включить в состав будущей "Казачьи". Врагом же, казачьей независимости, наряду с коммунистической диктатурой, считался русский народ - носитель "имперских амбиций".

Однако при всем антагонизме самостийников и "единонеделимцев", на первом плане для них оставалась непримиримость к большевизму, ставшая главным критерием их выбора в начавшейся между Германией и Советским Союзом войне. Так, самостийное "Казачье национально-освободительное движение" (КНОД) в день начала войны особой телеграммой в адрес германского правительства выразило "радостное чувство верности и преданности", предоставив все свои силы в распоряжение фюрера для борьбы против общего врага. В телеграмме выражалось также уверенность в том, что "победоносная германская армия обеспечит восстановление казачьей государственности". Используя искренние чувства многих тысяч простых казаков, которым начавшаяся война казалась предзнаменованием скорого возвращения на родину, самостийные группировки приступили к формированию казачьих частей для борьбы с большевиками.

Представители законной власти в своих меморандумах подтверждали, что "войсковые атаманы являются не только носителями действительной власти над эмигрантским казачеством, но все время поддерживают тайную связь с казачьим населением оставленных территорий", и по возвращении на родину "вступят в управление при полной поддержке всего оставшегося казачьего населения", а "сохраненный и обновленный ими за границей административный аппарат немедленно начнет отправлять свои обязанности и быстро восстановит порядок и нормальное течение гражданской и экономической жизни".

Однако воинственный пыл казачьей эмиграции был быстро погашен германскими властями, не желавшими делить казавшуюся уже близкой победу с кем бы то ни было. Привлечение эмигрантов к участию в войне против СССР было признано нежелательным, поскольку "принесло бы мало реальной помощи германской армии и в то же время дало бы пищу для без того уже активной советской пропаганды, убеждающей русский народ, что с германскими войсками идут реакционеры, золотопогонники, помещики и т.п.". "Новую Россию" при этом будут строить те, кто "своею кровью смывают яд и отраву большевизма" - то есть немцы. Всякие отдельные выступления, декларации, заявления, как "вызывающие недоумение и недовольство" у

германских властей и сеющие смуту в среде эмигрантов, приказано было прекратить.

Германское руководство, от которого, по словам генерала П.Н.Краснова, теперь зависело будущее России, не видело для себя выгоды ни в сохранении "единой и неделимой", ни в существовании на ее месте новых независимых государственных образований. И если сначала Министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало выделить населенную донскими казаками территорию между Доном и Волгой в качестве особого полуавтономного района, то вскоре оно отказалось от этой идеи. Опираясь в своей "восточной политике" на идею размежевание населения СССР по национальному признаку, германское руководство решило земли донских казаков включить в состав имперского комиссариата "Украина", а кубанских и терских - в состав комиссариата "Кавказ".

Однако уже к концу 1941 года потери на фронте и необходимость антипартизанской борьбы в тылу заставили командование Вермахта обратить внимание на казаков, как на убежденных борцов против большевизма, приступив к созданию казачьих частей из военнопленных. Еще ранней осенью 1941 г. из штаба 18-й армии в Генеральный штаб сухопутных войск поступило предложение о формировании из казаков специальных частей для борьбы с советскими партизанами, инициатором которого выступил офицер армейской контрразведки барон фон Клейст. Предложение получило поддержку, и 6 октября генерал-квартирмейстер Генштаба генерал-лейтенант Э.Вагнер разрешил командующим тыловыми районами групп армий "Север", "Центр" и "Юг" сформировать к 1 ноября 1941 г. "в качестве эксперимента" казачьи части из военнопленных для борьбы против партизан.

Первая из таких частей была сформирована приказом командующего тыловым районом группы армий "Центр" генералом фон Шенкендорфом от 28 октября 1941 г. Это был казачий эскадрон под командованием перешедшего незадолго до того со своими бойцами на сторону немцев майора Красной Армии донского казака И.Н.Кононова. В течение года командование тылового района было сформировано еще 4 эскадрона, и уже к сентябрю 1942 г. под началом Кононова находился 102-й (с октября - 600-й) казачий дивизион (3 конных эскадрона, 3 пластунские роты, пулеметная рота, минометная и артиллерийская батареи). Общая численность дивизиона составляла 1799 человек, в том числе 77 офицеров. На протяжении 1942-1943 гг. подразделения Дивизиона вели напряженную борьбу с партизанами в районах Бобруйска, Могилева, Смоленска, Неверя и Полоцка.

Обоснованием дальнейшему упрочению роли казаков в составе Вермахта послужила теория, в соответствии с которой казаки считались потомками остготов (владевших Причерноморским краем в II-IV вв. н.э.) - народом, "сохранившим прочные кровные связи со своей германской прародиной". 15 апреля 1942 г. фюрер разрешил использовать казаков как в борьбе с партизанами, так и в боевых действиях на фронте как "равноправных союзников".

Из казачьих сотен, сформированных при армейском и корпусных штабах германской 17-й армии, приказом от 13 июня 1942 г. был образован кавалерийский полк "Платов". В его составе имелось 5 конных эскадронов, эскадрон тяжелого оружия, артиллерийская батарея и запасной эскадрон. Командиром полка был назначен майор Вермахта Э. Томсен. С сентября 1942 г. казаки обеспечивали охрану Майкопских нефтепромыслов, а в конце января 1943 г. полк был переброшен в район Новороссийска, где нес охрану морского побережья и участвовал в операциях против партизан. Весной 1943 г. он оборонял "Кубанское предместное укрепление", отражая советские морские десанты северо-восточнее Темрюка, а в конце мая был выведен в Крым.

Сформированный летом 1942 г. в составе 1-й танковой армии Вермахта казачий кавалерийский полк "Юнгшульц" носил имя своего командира - подполковника И. фон Юнгшульца. Первоначально он имел только два эскадрона, один из которых был чисто немецким. Уже на фронте в его состав были включены две казачьи сотни из местных жителей, а также казачий эскадрон, сформированный в Симферополе. На 25 декабря